

Сергей Баймухаметов

ТЕМНАЯ ВЛАСТЬ

Как спасти
детей
от наркотиков

Сергей Баймухаметов

**Темная власть. Как спасти
детей от наркотиков**

«Издательские решения»

Баймухаметов С.

Темная власть. Как спасти детей от наркотиков /
С. Баймухаметов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965121-1

«Эта книга спасет детей от наркотиков». («Панорама», Лос-Анджелес) «Книгу надо издавать миллионными тиражами, чтобы каждый родитель мог дать ее своему чаду: «Знай, вот что с тобой будет!» («Вечерняя Москва») «Это книга-предупреждение для подростков и их родителей, чтобы знали опасность в лицо. Это знание, которое может спасти от беды». (Евгений Брюн, главный нарколог РФ) Автор удостоен диплома «За благородство помыслов и дел» Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом.

ISBN 978-5-44-965121-1

© Баймухаметов С.
© Издательские решения

Содержание

Из откликов прессы	6
Сон первый	7
Почему?	10
Чуйская долина	11
Сон второй	13
Страшный прообраз России	15
Кома	16
Простота	17
Ловушка	19
Расплата	21
Сон третий	23
Корни	25
Чуйская долина	26
Сон четвертый	28
Письмо супермена Виталия Орского	30
Ответ супермену Виталию Орскому	31
Чуйская долина	33
Беспредел	35
Наркоманы в 11 лет	37
Сон пятый	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Темная власть Как спасти детей от наркотиков

Сергей Баймухаметов

© Сергей Баймухаметов, 2019

ISBN 978-5-4496-5121-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из откликов прессы

(Ранее эта книга выходила под названием «Сны золотые. Исповеди наркоманов». Сейчас перед вами – наполовину обновленное, расширенное и переработанное издание)

Почему наши дети легко поддаются соблазну наркотиков? Мало кто из взрослых задумывается, что такое подростковое сознание.

В подростках биологически заложено стремление все попробовать и – отсутствие страха как жизненного опыта. Поэтому смешны учительско-лекторские проповеди, которые читаются на уровне: «Употребление наркотиков вызывает необратимые изменения в коре головного мозга, болезнь и смерть...» Для подростков это – абстракция, они ее не воспринимают.

Наши дети начинают курить и колоться, потому что практически ничего не знают о последствиях, о том, как и чем будут расплачиваться. Расплачиваться придется образом жизни. А какой он, образ жизни наркомана? О нем с беспощадной правдой рассказывает книга.

Газета «Версты»

Папы и мамы, бабушки и дедушки! Познакомьте своих детей и внуков с книгой Сергея Баймухаметова.

Наркомания – не только беда, это – болезнь. И как любую болезнь, ее легче предотвратить, чем излечить.

Дети не боятся «попробовать», так как не знают, что с ними будет потом. Подлинная жизнь наркоманов – тайна за семью печатями.

Ее раскрывает книга – это исповеди наркоманов, откровенные жуткие рассказы реальных людей.

Все члены семьи, и взрослые, и юные, прочтите ее сейчас – завтра может быть поздно!

Автор удостоен Диплома «За благородство помыслов и дел» Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом».

«Панорама», Лос-Анджелес

Это книга-предупреждение для подростков и их родителей, чтобы знали опасность в лицо... Сразу скажу: это тяжелое чтение, но это знание, которое может спасти от беды.

Евгений Брюн, главный нарколог РФ, журнал «Работница»

«Книгу надо по школам распространять, издавать миллионными тиражами, чтобы каждый родитель мог дать ее своему чаду и сказать: «Знай, вот что с тобой будет».

«Вечерняя Москва»

«Все закладывается в детстве: и система ценностей, и система запретов, страхов. Книга дает жизненно важные ориентиры: плохо, нельзя, опасно, страшно... С чтением каждой исповеди в душу подростка вползают страх, ужас и омерзение. А это главные чувства, охраняющие человека».

«Русский базар», Нью-Йорк

«Сергей Баймухаметов – автор уникальной, единственной в своем роде книги исповедей наркоманов.

«Литературная газета»

Сон первый

Света Кривцова, 22 года, Санкт-Петербург

Если наркоман живет с наркоманкой – получается проклятая пара неразлучников. В глазах нормальных людей они – лютые враги, два человека, которые выносить друг друга не могут, все время дерутся, избивают друг друга, стремятся сделать друг другу как можно хуже, оскорбить, унижить.

Это действительно так.

Но в то же время расстаться они уже не могут. Потому что наркоман – ущербный человек, он живет в постоянном страхе и в постоянной зависти к другим, к нормальным. И ему надо для успокоения иметь рядом, вокруг, таких же, как он. Вроде бы тогда все хорошо, все такие же, как и мы... Наверно, отсюда и идет это – совращение подростков. Хотя тут есть и другие причины. Но это тоже важно. Брат, сестра, жена... ему все равно – приучит, посадит на иглу. Правда, часто можно слышать от наркоманов, что лучше они сразу убьют своего ребенка, чем пожелают ему такой же доли, но это – одни разговоры. Вроде бы ребенок – святое, своего ребенка жалко... На самом же деле я знаю многих женщин, которые своих дочерей сажали на иглу, торговали ими, доводили до самоубийства.

Последние два года я жила с одним уголовником, мелким рэкетиром. По моим представлениям, богатый был, на руках – золотые цепи, квартира набита *кайфом*, маковой соломкой то есть. Я все-таки дура была романтическая, хотя к тому времени уже два года на игле просидела. И дура, и боялась, что он в тюрьму попадет. Что я тогда буду делать? Или сама пойду по рукам, или они меня подомнут, будут делать со мной все, что захотят. А так – он мой защитник был, покровитель, не позволял... Я его долго уговаривала не воровать, говорила, что денег найду, заработаю. Я к тому времени немало нафарцевала, все у меня было. В общем, уговорила. И начали мы проживать мои деньги, а потом и вещи. Поверите, последнюю золотую цепочку с себя сняла и продала. Настал день, когда нам и поесть было не на что. А *кайф* был, запаслись заранее.

Выходим мы как-то ночью побродить по улице, идем мимо парикмахерской, он остановился и показывает молча на открытую форточку. И говорит мне: фены вынесем, найдем, кому толкнуть. С нами были еще два его приятеля и подружка. Они тоже загалдели: вынесем, толкнем! Достали пива, дали мне выпить, я под *кайфом*, да еще пиво, мне море по колено... Меня поставили на стреме, а сами полезли, начали подавать мне фены. Потом они пошли за такси, меня оставили сторожить. Я хоть и под *кайфом*, но все видела и все помню... Выворачивает из переулка такси, мне из него уже рукой машут: мол, все путем. И тут – с двух сторон менты. Я кидаюсь к сожителю своему... И вдруг вижу: такси перед моим носом разворачивается – и по газам! Улетели мои верные дружки! Бросили меня.

Менты взяли меня с поличным. Привезли к себе, раздели, издевались, оскорбляли, как только хотели. Я набросилась на них, кому-то по морде дала, меня избили...

В общем, тогда-то я их всех окончательно возненавидела. И ментов подлых, и своих... друзей, что ли. Только у наркоманов друзей не бывает. И предательства у них нет. Это я их возненавидела за *предательство*, а на самом деле предательства не было. По нашим понятиям, обычное дело. Каждый за себя. Это у вас говорят: дружба, любовь, порядочный человек, непорядочный человек, злой-добрый, благородный-низкий, трусливый-храбрый... А там различий нет, и слов таких нет. Ни слов, ни понятий, ни поступков. Совсем – нет. Пустота. Понимаете, где у нормальных людей какие-то человеческие отношения, у наркоманов – пустота. Даже слова «подлость» нет, а есть – «подляна», и оно означает что-то свое, совсем другое, чем у вас.

Я где-то читала про колымскую лагерную жизнь в тридцатые годы, что там был один закон: умри ты сегодня, а я завтра. Так и у нас.

Но получилось даже лучше, что они уехали, бросили меня. Когда меня на принудилровку положили в больницу, он приходил ко мне, мой сожитель. Много денег принес, умолял, чтобы я его не выдавала, не признавалась, что и он там был. Денег я не взяла, но и про него ничего не сказала. Не потому, что хорошей хочу показаться, а просто мне адвокат посоветовал. Если бы сказала про них – получилась бы групповая кража по предварительному сговору, был бы большой срок. А так я пошла по делу одна, да не за кражу, а за *попытку*.

Я считала, что попала в их мир по глупости и по доброте. А вот недавно узнала, что у меня отец тоже наркоманом был, четыре года кололся. Значит, есть что-то наследственное. Но глупости и доброты тоже было хоть отбавляй. Это правда, я девочка добрая была. И училась хорошо. Первый курс медучилища закончила с отличием, и мне в порядке исключения разрешили на каникулах поработать санитаркой. Сами понимаете, отец жил отдельно, мамин зарплатой не хватало, а в пятнадцать лет уже хочется одеваться, ведь на других, на богатых смотришь, на иностранцев...

В моей палате лежал один больной, взрослый дядечка, лет тридцать ему было, разговорчивый, ко мне так хорошо относился. Я была примерной санитаркой, умелой, мне даже доверяли уколы делать. Однажды прихожу к нему с уколом, а он говорит: «Оставь, я сам себе сделаю...» Ну, сам так сам. Потом стал просить дополнительной дозы, чтобы я достала. Ну, думаю, человеку тяжело, надо облегчить боль... Но потом обратила внимание: все друзья, что к нему приходят, какие-то грязные, невымытые. Это я сейчас смогу за версту отличить наркомана по виду, по его неряшливости, запущенности, по запаху. Особенно тех, кто *варит*. Да что там человека, я квартиру, где *варят*, по запаху из всех отличу. Тогда же я ничего не знала и говорю ему: что это у тебя друзья такие, ну, невымытые... А он-то думал, что я все понимаю, что я тоже колюсь, и говорит: «Ты, наверное, дружишь только с теми, кто *на стекле* сидит, а мы сами *варим*». Я удивилась: что это такое? Он объяснил: *на стекле* – это значит, что люди имеют возможность доставать чистый, фабричный наркотик, в ампулах. Они – сами варят, из опийного мака, из всякой химической гадости. Ну, рассказал мне все и предложил уколиться. Мне так интересно было – я и укололась. И правда, стало как-то легче, свободнее. Я ведь нервная уже была, работа тяжелая, не для шестнадцатилетней девчонки: кровь, грязь, бинты, отделение травматологическое, это ужас. Приду домой – уколюсь, и вроде бы легче. Так и втянулась.

Потом он, знакомый мой, выписался, позвонил, к себе пригласил, с друзьями познакомил. Они все вежливые, обходительные, когда прикурить дают, то зажигалку подносят, а не так, что сама тянешься, как жираф. Ведь среди шестнадцатилетних пацанов еще и понятия нет, что ты – девушка, что к тебе надо относиться по-особому. А тут – взрослые люди, по тридцать лет, умные, интересные, со мной как с равной: знаки внимания, комплименты. Мне так лестно было, голова кружилась, на своих сокурсников я после этого смотрела как на щенков, с превосходством таким...

Дура, сейчас только понимаю, что я им была нужна – вот они меня и обхаживали. Я ведь в больнице работала, имела доступ к наркотикам. И приносила им, доставала, сколько могла. Героиней была в своих глазах, а уж они меня превозносили до небес! Говорю же: дура. Только потом начала понимать, что в том мире ничего просто так не делается, никто пальцем не шевельнет, если он в этом человеке не заинтересован, не хочет с него что-нибудь получить. Там ничего нет, я даже слов не могу найти, чтобы сказать... Нет ничего, что обычно бывает между людьми. Никаких понятий о дружбе, помощи, ничего человеческого. И в то же время все держатся одной кучей. Такое невозможно представить: в одной квартире чуть ли не месяц живут люди, не связанные друг с другом ничем, готовые в любую минуту продать, сдать, утопить друг друга.

Я правильно говорю: чуть ли не месяц. Это называется – *зависнуть*. Бывает, на пятьдесят дней *зависают*. А у нас было – по месяцу. Запирались в одной квартире, запасали маковой соломки – и все, никуда оттуда ни ногой. Потом выползаешь на улицу, а идти не можешь, отучилась ходить. Придешь в притон еще зимой, а уходишь – на улице солнце, тепло, а ты в шубе и в шапке. Или было так: я из дома ушла, сорвалась во время ломок, в ночной рубашке и в халате – и пришла в таком же виде, но только уже зимой, по снегу.

Идти по городу, по улице – страшно. Наркоманы всего боятся. Если на улице какой-нибудь человек случайно подойдет к наркоману, попросит, допустим, прикурить, тот вспотеет от ужаса. А уж при виде милиционера... Да многих наркоманов можно сразу узнать: вертит головой во все стороны...

От этого, от страха, и совершаются часто немыслимые жестокости. У нас одного заподозрили, что он ментам стучит, и *опустили*. Ну, это самое страшное наказание в уголовном мире – сделать мужика *петухом*, то есть изнасиловать. Почти все мои последние знакомые были уголовниками, по разу или по два раза *на зону сходили*. Не знаю точно, доказали или нет, что заподозренный и вправду стучит, но заманили его на хату, оглушили и начали насиловать. При мне. Меня тошнит, кричу: «Отпустите меня, я смотреть не могу!» – а мне сказали: «Сиди!» Попробуй послушайся. Сидела. Смотрела. А у того парня, которого *опускали*, была девчонка, он вместе с ней пришел. Так она убежала от ужаса на кухню и открыла газ. Я ее потом откачивала.

Самое страшное, что со всеми случается, – это когда глюки находят, галлюцинации, крыша начинает съезжать, то есть с ума сходишь. Часто специально делают, чтобы крыша поехала. Допустим, укололся он, впал в *кайф*, а тут телефон звонит. Он снимает трубку и слышит: «Это я, твоя смерть!» Шутка такая. А у него уже крыша поехала, всюду чудится смерть. Одного парня у нас запугали, что вот-вот менты придут, он и простоял неподвижно несколько часов у дверного глазка, пока не свалился. Ну а третий сам с ума сошел. Все ему мерещилось, что он заболел какой-то страшной болезнью, раздевался, подходил к зеркалу, нас подзывал и говорил: «Посмотрите, насквозь же видно, вот она, болезнь!» Мы его жалели, не давали колоться, чтобы очнулся. Но он так и не очухался, увезли в психушку.

У меня, конечно, тоже крыша ехала не раз. Как-то инопланетянин приходил. Открываю глаза, а он стоит и смотрит, белый. И осторожно так прикасается к колену, у меня колено из-под одеяла высывалось. Я сразу и отключилась. Очнулась, все помню, смотрю на колено, а оно красное...

Мне еще повезло, первые годы я работала в больнице, сама могла доставать – и меня не трогали, потому что зависели от меня. Потом появился этот уголовник, покровитель мой. Но все равно всякое было. Один раз я без денег осталась, без *кайфа*, попросила, а мне говорят: вот нас здесь пятеро, дашь всем – получишь *дозу*. Я отказалась, они озверели, свалили меня, начали резать. У меня до сих пор на животе шрам. Ну, как увидели кровь – очухались. Наркоманы при виде крови сразу опминаются, в себя приходят. Некоторые даже специально вены режут, чтобы успокоиться.

Ну а если сама по себе, если нет авторитетного сожителя, тогда, конечно, один путь. Мужчины, понятно, воруют, чтобы денег достать, а девушки при них, как у нас говорят, *присасываются*. Допустим, чтобы среднюю дозу на день набрать, девушке надо лечь под пятерых. Под пятерых грязных, не мытых месяцами скотов. Но там уже девушки не разбираются, там уже все безразлично, лишь бы получить свою дозу.

Наша жизнь – как жуткий сон, из которого невозможно выбраться. Ведь когда снится страшное, а потом медленно просыпаешься, тебя охватывает счастье – это всего лишь сон! А здесь просыпайся не просыпайся – бесполезно, это наши сны наяву.

Почему?

Этот вопрос возник сразу. Первые же читатели книги с первых же страниц откладывали ее и недоуменно спрашивали: *почему* они тебе все это рассказывают? С какой стати? О грязи, мерзостях и ужасах не чьей-то чужой, а *своей* жизни. Откуда такая откровенность? Не говоря уже о том, что она небезопасна.

Резонный вопрос. Потом я узнал от врачей, что от наркомана добиться правдивого рассказа о себе невозможно. Он никому душу не раскрывает. Природа у него такая. Это алкоголик тут же все расскажет про свою жизнь, даже если не просят. Потому что алкоголик – *экстраверт*. А наркоман – *интроверт*, то есть человек *закрытый*, наружу у него только три чувства: страх перед всеми, страх ломок и страх остаться без наркотиков. Наркоман никогда и никому не изливает душу. «Такого не может быть!» – удивлялись прежде всего врачи и полицейские, тогда они еще назывались милиционерами.

И тем не менее – исповеди.

Встречаясь с наркоманами в больницах, в притонах, в городах и поселках на марихуанном пути от Чуйской долины до Москвы, на рынках, на *пяточках*, где собираются *свои люди*, я никогда, по неведению, не задавался таким вопросом.

Почему они рассказывали мне все?

Может, как раз потому, что наркоман живет в постоянном страхе, он *закрыт*, то есть одинок, как никто другой на свете. Весь мир враждебен ему – и он враждебен всему миру. Это отчаянное, безнадежное, космическое одиночество. Может, они и рассказывали *всё* потому, что в кои-то веки человек из того, враждебного мира пришел к ним не с милицейско-полицейской повесткой, не с родственными слезами, проклятиями, нравоучениями, а просто *поговорить*, и еще важнее – *выслушать*. В кои-то веки проявил к ним не полицейский или медицинский, а просто человеческий интерес: к их судьбе, к жизни, к их мнениям и суждениям о себе, о людях, о кошмаре, в который они сами себя ввергли.

Потом, я сразу же говорил им о замысле книги, о том, что пишу ее для тех, кто еще не пробовал анаши-марихуаны и ни разу не *уколотся*, то есть для их младших сестер и братьев. Просил помочь, рассказать всю правду, поскольку лишь полная правда может убедить, дойдет до умов и сердец мальчишек и девчонок. И никто из моих собеседников-наркоманов мне не отказал. Все соглашались, все рассказывали про свою жизнь со всей возможной откровенностью.

Чуйская долина

Александр Зеличенко, полковник, куратор программы ООН «Ошский узел», Кыргызстан

Чуйская долина – это север Кыргызстана, юг Жамбылской и Южно-Казахстанской областей Казахстана, громадные пространства от Ташкента на западе до Алматы на востоке, от кыргызских гор на юге до пустыни Муюн-Кум на севере. Это три с лишним миллиона гектаров, заросших дикорастущей коноплей. Особой коноплей, имеющей особые наркотические свойства, каких нет ни у какой другой конопли, обычного сорняка на полях Сибири и Центральной России, Северного Казахстана и Поволжья. Что такое три с половиной миллиона гектаров? Вспомним: вся страна, Советский Союз, осваивала целину, и усилиями всей страны в Казахстане было распахано, окультурено восемнадцать миллионов гектаров. Вот и сравнивайте. Если подняться на вертолете, на самолете и попробовать окинуть долину взглядом, то это – необозримый океан, по которому перекатываются волны конопли в рост человека и выше.

Как бороться с ней? Наверно, никто не знает. Конопля – вековечное растение, неприхотливое, стойкое. Будет жара, засуха – выживет. Начнется ливень, всемирный потоп, грязь, болото – прорастет. Ничего с ней нельзя сделать. С корнями – не вырвешь, корни глубокие. Распахать – поди попробуй. Во-первых, горючего не хватит, во-вторых, все равно бесполезно, пробьется, а в-третьих, конопля здесь выполняет природой уготованную роль. Своей мощной корневой системой она удерживает пески. Стоит только уничтожить, свести ее – начнется наступление песков на села и аулы. Видите, какая ситуация?

В Казахстане, где на сотнях тысяч гектаров конопля стоит стеной выше человека, еще можно применять и применяют гербициды, поливают ядохимикатами с самолетов. Но и там урон для природы невосполнимый. А у нас, в Кыргызстане, на малых площадях, при большой плотности населения – применение химии невозможно. Ведь гербициды сжигают все: и коноплю, и траву, то есть пастбища, и все живое там погибает: звери, птицы, скотина там больше не будет пастись, человеку туда уже не ступить ногой.

Вот такая проблема.

Американцы, правда, нашли способ. Вот я взял у своих американских коллег (достает из ящика горсть необыкновенно красивых, как игрушки, синих, красных, розовых кубиков со сглаженными углами. – С. Б.) несколько гранул. Это экологически безвредные гербициды в желатиновой оболочке, которые действуют только на коноплю. Одна гранула – один цент. Они выстреливаются специальной пушкой. Желатин растворяется, жидкость вытекает, обволакивает растения – ведь конопля ранней весной всего лишь низенькая-низенькая травка – и затормаживает процесс фотосинтеза. Одним залпом накрывается площадь в четыре гектара, один залп обходится в восемьсот долларов. То есть на Чуйскую долину только для обработки гербицидами необходимо от восьмисот миллионов до одного миллиарда долларов. Как минимум. Не считая остальных расходов.

Так что реальной силой остаемся мы, милиция, полиция. Но силы наши несопоставимы с территорией, которую надо контролировать. Раньше, пока Советский Союз не распался, было легче: мощное МВД Союза всегда помогало, хотя бы теми же вертолетами. Чтобы представить масштаб, приведу такой пример. В конце июня, в июле и августе, когда в Чуйскую долину устремлялись гонцы, группы, банды со всего Союза, мы здесь проводили чуть ли не войсковые операции, полки выходили на оцепление. И все равно не справлялись: по только им известным тропкам, ложбинам, тайным дорогам заготовители утекали, просачивались как вода между пальцев. Мы перехватывали лишь малую часть... Потом вся тяжесть легла на плечи двух республик, да вот Международная ассоциация по борьбе с незаконным оборотом наркотиков

материально поддерживает. Так что Чуйская долина – это джунгли. И хищники здесь всех родов – от самых мелких до самых крупных. Например, однажды проследили мы гастролеров, которые за большие деньги прямо с конвейера автосборочного завода сняли восемь грузовиков, загрузили в машины кирпич, цемент, доски, а между ними, в мешках, упрятали две тонны марихуаны и уже готовы были вывезти все за пределы республики. А помимо них кружатся над Чуйской долиной птицы калибром помельче, зато количеством несметным. Как воронье.

В этой связи я хочу сказать о несовершенствах нашего уголовного законодательства, судопроизводства, и вообще – об отношении общества, общественного сознания к наркомафии в целом и к наркобизнесу в частности. Мне мои американские коллеги, когда я проходил стажировку в ФБР, рассказывали: суд присяжных все может принять во внимание, с самым матерым, закоренелым преступником, с убийцей разбираются. Какой была его жизнь, несчастное детство, бедность, гетто, родители-пьяницы, личная месть... – все принимают во внимание и обсуждают. Но как только речь заходит о торговле наркотиками – суд присяжных беспощаден. Продавал детям кокаин? Покушался, подрывал мозг, интеллект, генофонд, будущее нации? Все. Максимальный срок. До пожизненного. И никаких условно-досрочных освобождений. У нас же к дельцам наркобизнеса все еще относятся как к незначительным преступникам, витает в нашем обществе некое не то благодушие, не то, простите меня, элементарное непонимание и глупость: продавал, мол, и продавал, а ты не покупай.

И что еще очень печально и тревожно: перемена в настроениях местных жителей. Раньше они нам помогали, поддерживали. Ведь заготовщики и им не давали покоя: угоняли машины, мотоциклы, скотину угоняли, посеы травили. С начала девяностых годов начался перелом. Понятно, что он связан с кризисом в экономике, с распадом государственных предприятий, колхозов и совхозов. Десятки тысяч людей оказались без работы и без денег. В общем, местные занялись заготовкой. Приезжаешь на чабанскую точку, а там неподалеку стоит стожок скошенной конопли. Подходишь к чабану: аксакал, почему не сожгли? А он отвечает: у меня бензина нет! Приезжай и сам жги! Так и получается: он выжидает, кто первым приедет. Если мы, то сожжем. Если гонцы, то они возьмут уже готовый, высушенный товар.

Да чабаны-то еще на виду. А как быть с теми, для кого заготовка марихуаны стала чем-то вроде работы на приусадебном или дачном участке? И будем смотреть правде в глаза: когда в наркоторговле участвует *население*, когда начинается *борьба с населением*, власть проигрывает в любом случае.

Сон второй

Игорь Дацко, 18 лет, г. Минеральные Воды

У меня друг был, мы с ним с детского сада вместе. Всю жизнь. Это даже больше брата – вот он кем был для меня. И вот он умер, 15 февраля, месяца не дожил до восемнадцати лет. *Передозняк*, как у нас говорят. То есть передозировка. Остановилось сердце.

Мы с ним и курить вместе начали. В смысле – анашу, травку. У нас все курят. Первый раз я укололся в четырнадцать лет, четыре года назад, и было это, как сейчас помню, 13 апреля. Перед этим к нам с другом приехали знакомые ребята и стали говорить, что у них начинаются *ломки*, а денег нет, чтобы *соломы*, то есть маковой соломки купить. Стали у нас просить. У нас деньги были: мы ребята кавказские, уже тогда зарабатывали разными способами... Мы им дали. Они предложили нам уколиться. Мы, конечно, отказались. На следующий день – снова деньги просят. На третий день – тоже. И как-то у нас одновременно с другом мысль появилась: вроде деньги мы даем, а получать ничего не получаем, как в яму. Понимали, что деньги даются без отдачи. Как бы жалко, что ли, мол, хоть что-то получить бы... И решили попробовать.

Мне это до сих пор странно. Я с детства очень сильно боялся уколов, а тут сам, по своей воле. Ну, первый раз нехорошо было, никакого кайфа, второй раз – тоже. А они говорят: попробуй, это только вначале нехорошо, потом кайф будет.

С того дня и началось. Ничего особенного, вроде так и надо. Я вообще мальчонка общительный, знакомых у меня много. Половина из них – колется. Обычное дело.

Но я лично никого не уколол, никого не соблазнял, не уговаривал. Не хочу, чтобы потом человек меня проклинал, как я тех пацанов, которые меня уговорили. Это самое гнилое дело. Хотя нет: самое гнилое – *барыги*, которые сами не колются, а только продают, деньги делают.

Я – жулик. Никогда не воровал, не фарцевал, не *барыжничал* и презираю это дело. Даже когда мы в Москву переехали жить и я здесь стал как бы новенький, то и здесь не потерялся. Говорю же: я мальчонка общительный. Сразу вычислил, где и как можно делать деньги, кого обжуживать. Нашел товарища с машиной, наладили мы с ним разные игры, вначале наперстки, потом все прочее. И неплохо зарабатывали. Говорят, что наркоманы – грязные, опустившиеся люди, которые все из дома тащат, по-нашему говоря – *крысятничают*. *Крысятничать* – последнее дело. Но вы же видите, что я не такой, никогда не *крысятничал*, не унижался. Сам покупал и жил в чистоте.

Здесь, в Москве, доза у меня выросла до полутора стаканов в день. Это много. И еще я всегда оставлял на утро, чтобы *раскумариться*. Это вроде похмелья, как у алкашей. У нас называется – *кумар*. То есть кайфа уже не было. Понимаете, вначале ловишь кайф, а потом привыкаешь и уже нет ничего, только бы *раскумариться*. Вначале кайф, а потом вся жизнь идет на то, чтобы только стать нормальным. Уколешься с утра – и вроде голова прояснилась, глаза все видят, соображаешь, что к чему. То есть просто становишься нормальным, как все, а о кайфе уже и речи нет. И как бы получается, что овчинка выделки не стоит.

Хотя можно и потом ловить кайф. Если перейти на более сильный наркотик. У меня был случай, когда я закупил большую партию ташкентского опиумного мака. Это совсем другое дело, не то что московский мак-самосей. Можно переехать в Ташкент и вновь начать кайф. Но там, перейдя на ташкентский мак, человек больше двух лет не протянет.

Случалось, и у меня не было денег. И мака – тоже. Начинались *ломки*. Ну как их описать? Постоянная зубная боль во всех мышцах. Кости, суставы как будто сверлит зубная бормашина. Человека всего выворачивает из суставов; если на кровати лежит, то до потолка подлетает. Страшно, когда у тебя *ломки* начинаются, и ты знаешь, что вон в том доме, в известной тебе квартире стоит раствор, а ты не можешь его взять, нет денег. Страшно.

Первый раз я задумался, когда позвонили из Минеральных Вод и сказали, что от передоза умер мой друг. Он был для меня всем – и вот так вдруг уйти. Второй раз, когда однажды проснулся дома в одном пальто на голое тело. Стал вспоминать. Из дома я ушел, как всегда, в костюме и в галстук. Денег не было. Вспомнил, что на Даниловском рынке отдал *барыге* за одну дозу и костюм, и рубашку, и галстук. Домой, значит, пришел вот в таком виде.

Я всегда считал себя крепким пацаном, который никогда не будет унижаться, *крысятничать*, с себя снимать. А тут такая история. И я подумал: а что же дальше будет, если даже моих денег не хватает?

Известно, что будет. Для начала станешь *шестеркой* у барыги. Барыга тебе скажет: хочешь получить дозу, приведи, найди мне людей, которые купят, которым надо. Побежишь искать, никуда не денешься. Но так много не набегаешься, доза нужна каждый день. Рано или поздно увидишь открытое окно в магазине, какую-нибудь вещь на прилавке, которая лежит и дразнит: вот она, кучу денег стоит, схватил и убежал! И – попал на зону...

Все это я подумал, представил, очень ясно увидел.

И еще. Среди наркоманов есть такие, которые на какой-то определенной стадии перестают есть. Совсем. Я к ним отношусь, как выяснилось. Мне восемнадцать лет, рост – 181 сантиметр. Когда меня привезли в больницу, весу во мне было 39 килограммов.

Страшный прообраз России *Владимир Лозовой, врач-психотерапевт,* *г. Екатеринбург*

Двор, в котором мы жили и в котором вырос мой сын, был на редкость многодетным. И надо же так совпасть, почти все – одногодки. Двадцать три пацана и девчонки – ровесники!

Со временем мы переехали на другую квартиру, и в старый наш двор я попал через много-много лет. Понятно, стал расспрашивать про своих друзей, про друзей сына.

С моими-то все в порядке – живут, работают. А вот сверстников моего сына – нет. В самом прямом смысле – в жизни нет.

Из двадцати трех мальчишек и девчонок только трое дожили до восемнадцати лет!

Всех остальных – двадцать человек – в отрочестве еще скосили наркотики.

Подростковая наркомания разрушает организм с самого начала его становления. Мы проводили исследования и установили: тот, кто в раннем возрасте начинает употреблять наркотики, выдерживает в среднем *семь лет* такой жизни. А дальше – небытие.

И все эти годы меня преследует неотвязно одна пугающая мысль: не есть ли судьба мальчишек с нашего двора прообраз России, образ будущего России?

Если вы скажете, что я преувеличиваю, то отвечу так: *эту* опасность лучше преувеличить, чем преуменьшить.

В молодежной среде это даже не мода, а эпидемия. То есть массовое заражение. Которое принимает иногда чудовищные формы. Например, как чума расплзается новое поветрие – разводить наркотики кровью. О средневековой дикости и тупости можно и не говорить – я только о медицинском факторе. В поселке Верхняя Салда Свердловской области, где впервые и были обнаружены наркотики на крови, почти все наркоманы, молодые совсем люди, оказались зараженными СПИДом. Иначе и быть не могло.

И пусть я снова преувеличиваю, но мне кажется, что нынешнее поколение подростков и юношей мы уже потеряли. Задача в том, чтобы сохранить последующие поколения, остановить расплзание раковой опухоли. Иначе судьба мальчишек с нашего двора в Екатеринбурге станет будущей судьбой России.

Для справки. Одна из самых распространенных и опасных болезней в мире – вирусный гепатит. По оценочным данным Роспотребнадзора, число инфицированных в России может достигать 7,6 миллиона. В последние десятилетия молодые люди заражаются им при внутривенном введении наркотиков. При обследовании в городе Верхняя Пышма Свердловской области половина больных вирусным гепатитом оказалась наркоманами.

Кома

Ефим Рачевский, директор школы, г. Москва

В школе – наркологический кабинет. Скажи кто-нибудь из нас такое в советские времена – за сумасшедшего бы приняли. Но будем смотреть правде в глаза: по нынешним временам наркоман в школе – заурядное явление. Мне известно, кто из учеников в моей школе сегодня регулярно курит анашу и колется внутривенно. Это те, про кого я доподлинно знаю. А сколько невыявленных, сколько тех, кто только-только попробовал. И с неумолимой закономерностью через год их количество увеличится.

Так что разговор о наркологическом кабинете в школе из области смелых мыслей переходит в разряд обыденных задач.

Взвесив все, я твердо решил: буду искать специалиста-нарколога. Который будет и врачом, и воспитателем, человеком, который может говорить с мальчишками и девчонками так, чтобы его слово перевешивало слова и посулы дворовых искусителей. Это самое первое и общее представление о его деятельности и обязанностях. Жизнь покажет, какое место он займет и какую роль будет играть в школе. Уверен, что специалист-нарколог без дела, увы, не останется.

И, наконец, самый обыкновенный медицинский момент. Наркотическая кома, смерть от передозировки и прочих нарконапастей становятся обычными в жизни большого города. Кто поручится, что завтра или послезавтра такое не произойдет прямо в классе. Так могу ли я позволить, чтобы *в школе*, на глазах у всех какой-нибудь дурачок-мальчишка погиб в наркотической коме...

Простота

Почему наши дети начинают курить и колоться?

Подростки над этим не задумываются. А взрослые считают: дурь, мода, влияние западных фильмов, влияние улицы, делать нечего, много свободного времени, и вообще: *«Да какие-то такие у них могут быть проблемы?!»*

Что бы ни случилось, мы, взрослые, знаем – перемелется. Но они-то еще не знают. Какая-нибудь история в школе, на наш взгляд, пустяковая, может привести подростка к мысли о самоубийстве. И в таком состоянии вовсе уж ничего не стоит согласиться на затяжку анаши или первый укол. Да какая разница, если все равно жизнь кончена...

Кто из взрослых задумывается, *что такое подростковое сознание?* Чем оно характерно? Что такое подросток как общественное и биологическое животное?

Подростковое сознание характерно тем, что его носитель – ваш сын, ваша дочь – *все впитывает как губка и ничего не боится.*

Вспомните себя: мы такими же были, стремление *все попробовать* биологически заложено. Как у щенка, которого впервые выводят на улицу, и он, припав к земле, втягивает в себя, как пылесос, все, что встречается на пути. Плохое, хорошее, соленое, пресное, горячее, кислое.

И – ничего не боится!

Поэтому *смешны* учительско-лекторские проповеди о вреде наркотиков, которые читаются на уровне: *«Употребление наркотиков вызывает необратимые изменения в коре головного мозга, болезнь и смерть...»*

Во-первых, это – сплошная абстракция. Взрослый человек с большим трудом принимает абстракции как практическое руководство в жизни, а уж подросток – тем более. Во-вторых, *подростковое сознание* характерно тем, что подросток живет *сегодняшним* днем и часом. О *завтра* он практически не думает, разве что о неминуемом приготовлении уроков. В-третьих, вспомните себя: вы в четырнадцать лет всерьез задумывались о болезни и смерти? Кто-нибудь думал, что ОН, такой единственный и неповторимый, вдруг заболеет и умрет? Смешно... Подросток по природе своей, по *биологии*, уверен, что жизнь его вечна.

Тем не менее, бормотание о «необратимых изменениях в коре головного мозга» считается у нас *профилактикой и антинаркотической пропагандой.* А какая пропаганда – такие последствия, результаты. То есть сплошной вред. Страшный вред. Потому что подросток уже уверился: *всё, что мы говорим о вреде наркотиков – туфта, лапша на уши.*

И в то же время, часто отвергая наши нравоучения, подросток особенно восприимчив к мнению своей среды, своего окружения, подростково-молодежного мира. К тому, что мы называем общественным мнением, модой или террором среды.

Отнесемся к этому серьезно. Вспомним, во что и как мы одевались 50—60 лет назад, и во что одеты сегодня. Да-да, мы с вами, такие умные, самостоятельно мыслящие, независимые! Этот самый простой пример с обескураживающей убедительностью доказывает: если все носят узкие штаны, широкие штаны, джинсы или слаксы – *и ты будешь, никуда не денешься.*

Безобидная по части штанов, мода стала *убийственной*, когда распространилась и на наркотики. В начале шестидесятых годов прошлого века в нашем областном городе некоторые мальчишки начали курить анашу. Мы их знали наперечет и называли *придурками.* Для нас престижным считалось купить пол-литра портвейна на троих и распить тайком в сквере – вот это *круто,* мы почти как взрослые, а анашисты – *придурки.*

С тех пор шкала дворового подросткового престижа перевернулась. Сейчас на пришкольных пустырях и во дворах курение анаши считается делом чести, доблести и геройства, показателем *крутизны.* Того, кто не курит марихуану, считают слабаком, трусом. Как устоять четыр-

надцатилетнему человеку перед таким напором, какие силы надо иметь, чтобы сказать – *нет*. А ведь во дворе он – живет, это его мир, его социальная ниша.

Вот и получается, что он *не может отказаться*. Он беспомощен перед *террором среды*. Да что дворы! То же самое происходит и в институтских коридорах, где вроде бы уже умненькие, почти взрослые юноши и девушки. Наркоманы, *сидящие на игле*, не пьют, они алкоголиков презирают, считают алкоголь *грязным кайфом, бычьей тягой*. Там, в институтах, наркоманы объявили себя *продвинутыми, белыми людьми*, а все остальные – *быдло*. Вот многие из обычных ребят и тянутся к ним почти поневоле: не хочется выглядеть *быдлом*...

Чтобы отказаться, надо иметь силы. А силы дает только *знание*.

На встречах с подростками я говорю: «Вот перед вами яма с дерьмом. Тот, кто прыгнет в нее, будет во всей округе считаться самым крутым парнем. Кто из вас прыгнет?»

Смеются. Потому что *знают*: это дерьмо, будет вонять.

Вот мы и пришли к главному, ошеломительному выводу. *Наши дети начинают курить и колоться, потому что ничего не знают о последствиях*.

Когда им во дворе предлагают: «Курни, получишь кайф», они понятия не имеют, как и чем будут расплачиваться за первую затяжку и первый укол. «Необратимые изменения в коре головного мозга» они давно считают туфтой. Кое-что знают о *ломках*, о *привыкании*, об угрозе *подсесть*... Но ведь КАЖДЫЙ считает себя *крутым*, это Васька и Петька тряпки безвольные, а Я – СИЛЬНЫЙ, Я все могу...

И потому подросток бесстрашно идет на первую затяжку, абсолютно уверенный, что это как прогулка в парк: захочу – войду, захочу – выйду. Не зная, что калитка тут в одну сторону, и она уже захлопнулась.

Получается, что у подростков практически *не было и нет выбора*, когда взрослые наркоманы обещают им *золотые сны, кайф*.

Расплачиваться придется *образом жизни*. А какой он, образ жизни наркомана?

Вот это и есть тайна, которую взрослые наркоманы подросткам никогда не выдают и не выдадут. В лучшем случае скажут, что да, трудно бывает, когда *вмазаться* нечем, но тут главное – быстро достать, *вмазаться*, и снова начнется *кайф*.

А как на самом деле – вы уже кое-что знаете, и еще узнаете.

Ловушка

Как подростки начинают курить и колоться?

Возможных сценариев немного. Они разнятся только деталями. В остальном все одинаково.

Итак, вечер, двор, лавочка в укромном уголке. Сидят, курят, болтают о том о сем мальчишки и девчонки лет тринадцати-четырнадцати. К ним подходит группа парней и девушек постарше. Один из них спрашивает:

– Ребята, а что это вы делаете?

– Да сидим, курим...

– А что курите?

– Как «что», сигареты...

– Ну вы совсем как маленькие! – изумляется парень. – Другие пацаны давно уже от *травки* балдеют, а вы сигаретки сосете.

Заметьте психологически точный первый удар – подростков обозвали маленькими. А в четырнадцать лет все считают себя уже большими, почти искушенными. Надо что-то отвечать. И тут обычно находится мальчишка, который говорит: «А у нас же нет...»

Если не находится, то разговор в нужное русло мгновенно направляет кто-нибудь из старшей компании:

– Да что ты, Вася, у них же нет, они ж еще маленькие...

– Как так «нет»? – воодушевляется «Вася». – Ноу проблем. У нас-то все есть. Что хотите, ребята, хоть *травку*, хоть *винт*...

Расчет беспроегрышный. Как говорится, на «слабо» берут.

Обратите на этот момент самое серьезное внимание. Речь идет как раз о том, что называется подростковым сознанием. Вспомните знаменитый фильм «Назад в будущее». Что там является пружиной, которая раз за разом раскручивает все действие, на чем держится сюжет? На какой «глупости»? На каком «пустяке»? А на таком, что в самый решающий момент киношный мерзавец говорит Марти Макфлау: «Да ты что, *боишься?*» Марти тут же взвизгивает: «Это я боюсь?!» И попадает в очередную переделку.

Учтите также, что все происходит на глазах у друзей и подруг. Если бы подросток был один, он еще мог бы отказаться. Но в компании (!), на виду у всех, когда предлагают старшие, да еще когда всех как будто ненароком назвали «маленькими», а ты-то давно уже не считаешь себя «маленьким»...

В общем, отказаться почти невозможно. Курят, колотятся, *кайфуют*, входят во вкус и привыкают. Так продолжается некоторое время. Пока тот же старший парень однажды не скажет:

– Мальчишки-девочки, а вам еще не надоело ширяться на халяву? Оно ведь бабок стоит, платить надо!

Все. Игры кончились. Ловушка захлопнулась.

Для справки. По данным исследования, проведенного Государственным антинаркотическим комитетом, каждый четвертый россиянин в возрасте от 11 до 24 лет когда-либо употреблял наркотики. Каждый пятый впервые попробовал их в возрасте до 15 лет.

Среди причин называли «любопытство» (53%), «за компанию» (22%). Из тех, кто никогда не пробовал наркотики, 17,5% сказали, что обязательно попробовали бы, если бы такая возможность им представилась.

По данным НИИ академии Генпрокуратуры, с 2010 число детей, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, выросло более чем в три раза.

Секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев сообщил (март, 2017), что количество несовершеннолетних наркоманов увеличилось на 60 процентов.

Расплата

Как и чем платить? Где деньги взять?

Когда на лекциях в школах или в училищах я подходил к вопросу, «где деньги взять», обязательно находились несколько мальчишек, которые кричали: «Воровать!»! Да, отвечал, разумеется. Но поскольку воровского опыта у тебя нет, то на третий или четвертый раз ты попадешься. Зона. Малолетка. Зона, во-первых, страшна тем, что подросток там живет с ощущением безысходности. Ведь в этом возрасте два или три года – это бесконечно долгий срок. Жизнь кончилась. А раз так, то ничего не жалко, и себя в первую очередь.

Во-вторых, в обычной жизни есть еще какие-то ограничители и контроль: родители, учителя. *На зоне* мальчишка в некотором роде сам себе хозяин. Добыча и употребление *кайфа*, поставка которого туда налажена, только приветствуется. Значит, выйдет он оттуда законченным наркоманом. Снова начнет воровать. Снова попадется, но это уже будет *повторка*. То есть срок большой. А там, *на зоне*, или после повторной отсидки, быстро *кончится*: от грязного наркотика, от передозы, да мало ли от чего... Отмучается сам и перестанет мучить родителей.

В представлениях мальчишек есть еще вариант доставания денег. На встречах они кричали из зала: «Стать распространителем!» Чувствуете, *теоретически* они уже все знают.

Как это происходит? В известном всем доме в вашем микрорайоне живет наркодилер. К которому чередой идут подростки. Он отмеряет им, к примеру, порцию героина и говорит: «Здесь двадцать доз. Девятнадцать продашь, принесешь столько-то денег. А двадцатая – твоя! Бесплатно!»

И подростки ходят под тяжелой уголовной статьей «сбыт наркотиков», работают на наркомафию бесплатно, «за дозу».

Каналы распространения изменились с бурным развитием интернета. Он позволяет наркодельцам сохранять анонимность. Курьеров находят через сайты, мессенджеры и соцсети. Им предлагают взять пакет в пункте «а», разложить на десять маленьких и развезти в десять разных точек.

Многие понимают, что там, в закладках. Но ведутся на якобы легкие деньги. К тому же большинство кладменов – так их называют – сами наркоманы, которым не хватает денег на дозу. Их жизнь на воле – месяцы. При прежнем способе отследить было трудно, а сейчас – почти на виду. И полиции «хорошо» – в разы выросла «раскрываемость». Сейчас наркоманы и продавцы наркотиков – четверть от всех осужденных в России. За хранение и транспортировку запрещенных веществ – до 3 лет. За хранение или перевозку в крупном размере – до 10 лет. А наркодельцы по-прежнему на воле. Нанимают новых. Это уже конвейер. Конечный пункт – зона.

Еще подростков используют в роли «торпед». К примеру, после употребления «дозы» мальчишка чувствует себя терминатором, способным ударом кулака проломить кирпичную стену и разорвать голыми руками тигра. Да еще его психологически обрабатывают, внушают, что надо сделать и как это легко, после чего он, как зомби, идет и «делает»... Приходит в себя зачастую уже в камере. Потом – зона, и так далее...

Впрочем, я уже начал рассказывать от своего имени. *Пересказывать*. А это неинтересно и неубедительно.

Если хотите знать правду, чтобы сделать осознанный выбор, то наберитесь мужества и прочитайте до конца исповеди. Это неприятно, это изнанка жуткой жизни, но все-таки прочитайте, хотя бы из чувства болезненного любопытства.

Для справки. Более 50 процентов ВИЧ-инфицированных заразились, употребляя наркотики.

Семь процентов молодых мужчин-наркоманов официально признаны инвалидами.

Две трети всех мелких краж и грабежей (а это 340 тысяч преступлений ежегодно) совершают наркоманы – для того, чтобы добыть деньги на дозу.

Сон третий

Борис Варзобов, 36 лет, начальник станции техобслуживания автомобилей, Ставропольский край

Страшно – не то слово. Этого не объяснить и не рассказать, можно только заснять на видео и показывать, чтобы люди представляли, что такое *ломки*. Мне повезло, я во сне *обломался*, а вот сосед по палате не выдержал, выбил окно и выпрыгнул со второго этажа, побежал искать дозу. Ну не смог человек, не вынес.

Когда меня начало крутить и ломать, от меня врачи двое суток не отходили. Я приехал в Москву уже на ломках, дома укололся последний раз – и в путь. Поезд пришел вечером, пока добрался, пока нашел, а мне тут говорят: без разрешения заведующего не можем положить. Я кричу им: да вы что, да я с ума сойду, меня уже ломает всего. Начали искать заведующего по телефону, нашли у знакомых, слава богу, он разрешил. Начали меня колоть разными лекарствами, а ничего не помогает, рука уже распухла от иглы. *Дурняк* начался, крыша могла поехать, или просто бы не проснулся, сердце бы не выдержало. То есть их лекарства, американская методика – и то не могла снять ломок. Я думаю, что у меня был свой опиум, отборный, особо сильный, а у них – слабей. Крепости нет, а доза большая, вот и провел я двое суток на краю. Хорошо еще, без сознания был, то есть во сне.

А потом, когда проснулся, когда *переломался* во сне, – тоже надо выдержать. Ломок нет, но начинается отходняк, психоз. Самый опасный момент. В этом состоянии все случается. И вены режут, и из окна выпрыгивают. Не для того даже, чтобы убиться, покончить с собой, а вроде бы из себя выпрыгнуть, сотворить с собою что-нибудь. Послушать истории, какие в лечебнице и вообще с наркоманами, так у самого здорового человека крыша поедет. Уже после того, как ломки сняли, ходят невменяемые, сознание спутанное. Кто мак собирает, кто мышей отлавливает, кто мух. Мальчик Сережа был, двадцать лет, из хорошей, приличной семьи, к нему все время теща приезжала, видная такая, солидная женщина. А сам он рисовал очень хорошо, прямо как волшебник, ей-богу. Так вот, он в психозе закрылся в туалете и вскрыл себе вены. Лена была, девочка, на вид лет двенадцать, прямо куколка. Увидела мужчину, который пришел к ней на свидание, и – головой в окно. Говорят, он был главарь их, увидела и испугалась...

Я на иглу сел по стечению обстоятельств. Конечно, по молодости покуривал, но потом бросил: и по должности вверх пошел, стал человеком солидным, и вообще... Но попал в аварию, произошло ущемление позвонков, стала рука сохнуть, неметь, ныть. Криком кричал – такие иногда боли накатывали. Стал потихоньку колотиться, снимал боль. Конечно, втянулся, уже не мог без этого. А ведь я – человек на виду, да еще в маленьком городе. Сами понимаете, что такое начальник станции техобслуживания автомобилей в наши времена. Мне надо держаться, у меня работа. Какая работа, когда только об одном думаешь: как бы приготовить и уколиться. Уколешься – тем более не до работы.

Конечно, многие видели, что со мной неладно, но я отговаривался тем, что рука сохнет, болит, вроде бы врачи прописали. Счастье мое, что я на такой должности – деньги есть, возможности есть. Я сел в свою машину и ехал на Украину, там у меня были постоянные поставщики опиумного мака, скупал его мешками. Стоил он тогда дешево, а сейчас уже деньги бешеные.

Раньше мне одного стакана хватало, а в последнее время – дошел до двух стаканов. При чем лучшего, отборного мака, не какой-нибудь воды. Короче говоря, ни в нашем городе, ни

в наших краях обо мне почти ничего не знали: я не покупал, в компании, где хором на игле сидят, не ходил. Так, подозревали слегка, но в общем я репутацию держал.

Однако, держи не держи, а это все равно не жизнь. Кайфа уже нет, доза постоянно растет, организм перенасыщается. Опиумный мак действует как снотворное, постоянно ходишь сонный, апатичный. Ты сам для себя уже не человек, а какая-то обуза, самого себя тяжело и противно тащить по жизни. Вот примерно такое чувство испытывает каждый наркоман.

Я не говорю о безденежных, пропащих мальчишках и девчонках. Там вообще полный беспредел, их за дозу можно заставить... не буду говорить... все можно заставить. Я говорю, как живут солидные люди, при должностях. То ли по глупости, то ли по недоразумению сели на иглу – и все, не могут сойти. Тот же мой друг, хозяин центрального гастронома в нашем городе. Все есть, недавно женился на молоденькой девушке – живи да живи! А какая у него жизнь? Такая же, как была у меня. Плачет при встрече, зубами скрипит, говорит: сам себя в тюрьму посадил, и не могу выйти! Вот в этом и кошмар жизни моих знакомых, да вообще это человеку тяжело, когда хочешь, а не можешь. Чувствуешь себя как последний червяк.

Но мы ладно, мы люди богатые, благополучные, мы позволяем себе чистый *кайф*, можно сказать. А пацаны-то не могут покупать опиумный мак. И делают, варят себе всякую дрянь из химии, первитин придумали. Этот первитин – чистая смерть. Я часто езжу по городам Северного Кавказа и вижу: косяками вымирают пацаны двадцати – двадцати пяти лет. Кварталами. Полгода не был в городе, приезжаешь – а там уже целого квартала нет, как метлой вымело.

Корни

Даже медицина не знает, в чем они, корни наркомании. Не как общественного зла, а как чисто физиологического явления. А раз нет однозначного ответа, то открывается большой простор для суждений. Одна поэтесса мне говорила, что наркомания послана нам как механизм самоуничтожения человечества. Правда, она питает большую склонность к мистическим учениям. Вспомнил я ее теорию, потому что природа болезни загадочна, и гипотез-то особых нет: ни социальных, ни естественнонаучных.

У нас в советские времена считалось, что наркомания – болезнь сытых, богатых обществ. Мол, с жиру бесятся. Но мы-то далеко не богатые. А начали «беситься» в последние годы советской власти. Да еще как.

Тогда бросились в другую крайность: болезнь бедных, нищих. Но опять-таки мы не самые обездоленные.

Значит, суть в другом. Когда советские спортсмены получили возможность играть за рубежом, что более всего непривычно им было в тамошних условиях? Ответственность. Ответственность за себя. Сам режим соблюдай, отвечай за себя сам. Если напился и не в форме, то тебя не будут *воспитывать*, а просто выгонят. Или оштрафуют. Это шокировало. Да мало того, и в коллективе не найдешь понимания. На лицах товарищей написано: дурак, свою карьеру губит. То ли дело было здесь, при советской-то родимой власти! Загулял с друзьями вкрутую, в команде скандал, зато он – «герой, парень что надо, ему все по фигу!»

Да что там здоровье, спортивная форма? Жизнь – по фигу! Когда в автомашинах ввели ремни безопасности, что делал каждый второй водитель, проезжая мимо постового? *Накидывал* ремень безопасности. Не *пристегивал*, а *накидывал*, создавал видимость. Да кого ты обманывал? Самого ж себя! Ты же разобьешься, ты!

По фигу... Зато милиционера обманул. Кстати, наказание за непристегнутые ремни однажды отменяли. И правильно: если самим жизнь не дорога, то следить бесполезно. Но потом восстановили – таких людей, как мы, надо заставлять себя беречь. Слава богу, сейчас поняли.

Это феномен. Откуда он возник?

Оттуда, из образа жизни. А образ жизни у нас был только и единственно – *государственный*. Вначале – крепостное право, потом – коммунистическое государство. Уже в утробе матери наш человек не принадлежал сам себе. За него уже все было решено: где учить, чему учить, что читать, кого любить, кого ненавидеть, во что веровать, с кем воевать, где работать, сколько зарабатывать. И, наконец, где и по какому разряду спать вечным сном и что о тебе напишут после смерти, если сочтут нужным, что надо что-то написать. Все предопределено.

При такой системе огосударствления человека вначале исчезала свобода как таковая, затем ответственность за себя, затем понятие ценности человеческой личности и, наконец, ценности самой жизни.

И сформировался феномен советского человека, который сам себе не дорог, который сам о себе не думает. Да что о себе! О детях же не думали! Так, одеть, обусть, накормить, а там его, чадо наше, возьмет государство, оно и обучит, оно и пристроит, и работать *заставит*... Никакой ответственности.

Такая насильственная селекция через несколько поколений закономерно привела советского человека как социальный и биологический тип к определенной деградации. Умственной, физической, духовной. Как иначе охарактеризовать организм, который не оберегает, не защищает сам себя?

Так, может, наркомания – это болезнь *безответственных* людских сообществ?

Чуйская долина

Виктор Драйд, заместитель начальника районного угрозыска, г. Сокулук, Кыргызстан

Местные стали главными поставщиками, заготовителями марихуаны. Местные – это все: кыргызы, русские, украинцы, казахи, немцы, корейцы... В основном, конечно, молодежь занимается. Но и старики не чураются. Что ему, чабану, например, трудно взять косу да скосить верхушки конопли во время цветения? Просушил, набил в мешки, отвез в укромные местечки, спрятал. Пришло время, приехали его постоянные клиенты из России, из Сибири. Обработали массу, вытащили палочки, всякий разный мусор – и вот она, готова марихуана, по-местному – *шала*. Если есть время и возможность, ее *проколачивают*, *протирают* через сетчатую ткань, добывают мелкую-мелкую пыльцу. Это уже гашиш – ценнейший товар, во много раз дороже, чем марихуана. Но и *шала* тоже немалых денег стоит. Практически все взрослое население занимается заготовкой шалы. Вот, например, поступила к нам информация, что приехали из Омска на большегрузном «КамАЗе»-трейлере, по всему району рыщут, хотят купить большую партию. У нас часто бывают такие машины со всех концов, особенно из Сибири. Лук везут туда, фрукты, овощи. Ну, фруктами загрузились, теперь начали промышлять марихуану.

Мы следим за ними. Направились они в село Чалдыбар: грузовой «КамАЗ» и «жигуленок» без номеров. «КамАЗ» остановился на околице, а «жигуленок» вертится по селу. В каждый двор (!) они заходили, подряд, не пропуская, и из каждого (!) двора выносили по мешку. Когда мы их взяли, они набрали уже двести килограммов шалы.

Эти попались, потому что на машине – большой груз хотели взять. А одиночный человек из России, из Москвы, из Сибири, приезжает сюда просто с «дипломатом», набитым деньгами, и с пустыми чемоданами. Отдает деньги своему постоянному заготовщику из местных, набирает чемоданы марихуаной и так же солидно отбывает на поезде. Поди проверь всех на железной дороге. Самолетами они не пользуются, там же досмотр.

Раньше, еще в восьмидесятые годы, как было? Приезжали чужие. Сами жили в зарослях, разбивали табор, сами промышляли – коноплю срезали-высушивали. Это описано еще в романе Чингиза Айтматова «Плаха». Они были врагами и для нас, и для местного населения, потому что машины и мотоциклы угоняли. У нас тут в разгар *заготовок* настоящие боевые действия происходят, с пальбой и погонями, мой «уазик» в нескольких местах бандитскими пулями пробит.

Но с тех пор времена сильно изменились. Заготовками занимаются местные. А люди из России приезжают с деньгами. И берут уже готовый товар.

Есть у нас цыгане, которые занимаются только перепродажей. Едут в глубинку, в глухие аулы и села Чуйской долины, скупают там марихуану мешками и перевозят ближе к доступным местам, к цивилизации, к дорогам. В тот же наш Сокулук: и городок немалый, двадцать тысяч населения, легко затеряться, и стоит на скрещении автомобильной и железной дорог. И здесь уже перепродают гонцам из России.

Молодежь из городов и поселков выезжает в долину как на работу. Тучей. Это и есть их работа. Называется – *выехать на планЫ*. Марихуану ведь у нас всегда называли *план*, *планчик*. Со старых времен, с пятидесятых годов еще, а может и раньше, была такая блатная песня:

Под *планом* родился.
Под *планом* крестился,
Под *планом* пошел воровать.
Под *планом* поймали,

Под *планом* судили —
Без *плана* пришлось отбывать.

Так вот – о молодежи. У всех ведь сейчас машины, мотоциклы. Загрузили удочки, едут через полицейский кордон и смеются: «Да вы что, отцы родные, мы же рыбаки!» Есть среди них «профессионалы» высокого класса, по их понятиям. Эти не просто *проколачивают* шалу и делают из нее гашиш. Они оставшиеся семена засевают, рассеивают. На следующий год снимают урожай не просто марихуаны, а марихуаны высшего сорта: особо ценится и особыми наркотическими свойствами обладает урожай первого года.

Попалась нам однажды такая умелица, что мы диву давались. Нагрязнули к ней в дом с обыском, точно знали: заготавливает и продает прямо на дому. Но ничего не можем найти. Все обыскали, каждую щель в полу исследовали – нет. Ну не может такого быть! Мы же точно знаем.

Весь двор перерыли, всю траву в огороде проверили. Если тайный погреб сверху дерном прикрыт, то все равно трава там будет более жухлая, чем на живой земле. И на огороде проверили – ничего нет. Только пес под деревом на нас лает. Раз я на него цыкнул, два, а потом что-то у меня в голове зашевелилось, какой-то вопросик. Почему собака привязана в огороде, а не во дворе? Значит, она здесь что-то охраняет? Может, что-то под деревом зарыто? Велю убрать собаку, подхожу к дереву – мама родная! Да это же не просто дерево, а – конопляное дерево!

Конопля – трава. Высокая, больше человека ростом, крепкая. Но эта женщина, используя удобрения, вырастила на огороде самое настоящее дерево! Мы с него три мешка шалы срезали. Вот как бывает.

Несколько лет назад в наших краях орудовала банда налетчиков. Черные маски, стволы и прочее. Работали по четким наводкам. Врывались ночью в богатый дом, сгоняли всех в одну комнату, под дула. Брали одного из семьи, как правило, ребенка, оголяли электропровод и пытали: где золото, где ценности, где деньги? В общем, нелюди.

Мы шли по их следам, агентура работала. Аккуратно взяли одного члена банды. Знали, что наркоман. Расчет был такой: если его и хватятся, то поначалу паники не будет: ну наркоман, завис где-нибудь под кайфом. А мы его тем временем расколем и выйдем на всю банду.

Не тут-то было. Молчит. День допрашиваем, другой. Молчит. Мы знали, что это один из самых жестоких бандитов, упорный. Но не думали, что до такой степени упорный. Мы уже в панике. Его ведь ищут. Насторожились. Или уже объявили тревогу и уходят.

На третий день у него начались ломки. С утра начал беситься. На лице пот, всего колотит. Но крепится, держит себя перед нами. Однако с каждым часом все слабее и слабее. Чуть ли не головой о стенку начинает биться.

А у нас был чемоданчик с конфискованным *кокнаром*. *Кокнар* — так в наших краях называют высушенную маковую соломку.

Достал я тот чемоданчик, поставил на стол, раскрыл. Как он вскинулся. Криком кричит: «Что хотите! Что хотите! Дайте! Дайте!! Дайте!!!»

В первую секунду я обрадовался: наконец-то! А когда взглянул на него, радость моя куда-то исчезла и стало просто-напросто страшно. Какой же вывихнутый порядок в их мире, страшный и непонятный порядок. Выходит, этого бандита, жестокого, безжалостного, упорного, с которым два дня не мог сладить весь уголовный розыск, можно купить за одну ложку кокнара.

Сон четвертый

Валерий Жданович, 30 лет, бизнесмен, Москва

Сразу после института я завел собственное дело. Сейчас у меня предприятие, фирменный магазин. Все – по делу, по образованию, которое я получил. Рынок моих товаров и сейчас-то свободный, а уж тогда – тем более. А раз товар только у тебя, то пошли деньги. Бешеные деньги, я вам скажу.

Ну как – бешеные... Не долларовый миллионер, так, малый бизнес. Детишкам на молочишко и родной стране на налоги. Но для человека из советской семьи, папа – инженер, мама – канцелярская служащая, где рубли до зарплаты считали и каждую обновку за полгода вперед планировали... я ведь все помню, как было. В общем, для человека из такой семьи – бешеные деньги.

А их надо уметь тратить. В доме и в семье у меня все есть. Ну и, разумеется, служебная машина с круглосуточным водителем. Их у меня два, посменно работают. Понимаете, наверно, что это такое, когда тебе двадцать шесть лет.

И начал я вести жизнь московского плейбоя. Но оказалось, что ничего особого в ней нет, все приедается. Или натура у меня такая: все время искал чего-то нового, каких-то острых ощущений, всего, что только можно получить за деньги. И, конечно же, встретился мне человек, который предложил: давай попробуй. Расписал целую гамму чувств, ощущений. Я человек впечатлительный, да и сам ведь искал, так что попался сразу. Скажу так: вверг себя в пучину.

Вначале нормально. А потом начинается такое, что не объяснить, это за гранью, в другой плоскости, нечеловеческой. Если выдержишь – умрешь своей смертью, но опустишься. Не выдержишь – сойдешь с ума и выбросишься в окно.

Можно колоться по-разному. Я колотся – никто представить не может, за два года нагнал такую дозу, каких не было ни у кого из моих знакомых, я даже не слышал...

Конечно, кайф был. Но бывают мгновения, когда начинаешь думать – и это самое страшное. Первый час после укола, после *вмазки* – самый тяжелый. Наркотическое опьянение еще не наступило, но голова прошла после *кумара*, ум ясный, начинаешь соображать – и хочется покончить с собой. Потому что ясно видишь тупик жизни. Я, во всяком случае, его видел.

Сейчас пытаюсь выбраться из него. Полтора месяца держусь. Ломки – это боль физическая, это зависимость физиологическая, ее снимают хорошими лекарствами. Страшное – тяга к наркотику, зависимость психологическая. Сидит в голове, точит, грызет мозг: дай! дай! дай! Вот это мне страшно: неужели не выдержу, неужели сломаюсь? Ведь телефон под рукой: стоит позвонить – и через час привезут все, что захочу. Но я держусь полтора месяца, и верю, что выдержу.

Наркоманов-одиночек не бывает. Только группы. У нас была странная группа: и пятидесятилетние холостяки, и семнадцатилетние пацаны, и девчонки, которые только-только *присаживались*. Считается, что наркоман всегда старается втянуть в это дело других, молодежь, но я – никогда. Наоборот, я разговаривал с этой девчонкой, с Леной, когда ее приводили к нам. Кто привел, зачем привел тринадцатилетнюю девочку – не знаю, не помню, там стараются не спрашивать, да я и держался от них на расстоянии: мол, я богатый, обеспеченный, все могу купить, я с вами только ради совместного кайфа, а общего у нас ничего нет. И я с ней разговаривал, с Леночкой. Мне на них, на тринадцатилетних-семнадцатилетних, смотреть было больно. Но говорить с ними – бесполезно, я пытался. Когда человек влезает в эту жизнь, в этот кошмар, то обратного пути у него... не знаю, у кого как получится. И вот эта Лена, судьба, как у всех... Представьте себе двухкомнатную квартиру, в которой живут муж, жена, два ребенка и две собаки, квартиру, которую никогда не подметали и не мыли полы. Муж и жена вечно

на кухне, варят мак. Они – *барыги*. Но из тех барыг, которые и сами колются, всегда в тумане. Можете себе представить мужика и бабу, которые неделями не причесывались, не мылись, не снимали с себя одежду. А тут же и дети, и собаки. Сюда же приходят наркоманы, кто взять дозу, кто – уколиться, а кто и зависает, живет там по несколько дней, да не один. Я не мог... я заходить туда брезговал, получал в прихожей, что надо, и уходил, тошнота к горлу подкатывала от одного только запаха. И вот, зайдя однажды, увидел там Лену. Она там жила, на правах наложницы, черт знает кого. И по виду – как будто родилась и выросла здесь, разве что чуть поумытей. Но еще немного – и не отличить.

В общем, нравы там такие, жестокие. Я хоть к ним только краем прикасался, но знаю, видел. Если есть деньги большие, как у меня, – проживешь. А нет – надо добывать, воровать или *присасываться* к тому, у кого деньги, кто может достать, ограбить, к тому, кто варит и продает, к барыге. Вот Лена присосалась к барыге: и ей удобно, не надо заботиться о *кайфе*, не надо бояться, и ему удобно: и сам пользуется, и подкладывает нужным людям.

Конечно, жалко, но что сделаешь, такая судьба, не моя судьба. Я стараюсь не смотреть, не думать, тем более – не переживать. Все это надо мимо себя... Если все, что знал и видел, пропускать через себя, не фильтровать, то с ума сойдешь. Да и скажу вам по небольшому секрету – наркоман не способен за чужих переживать.

Я вовремя остановился, нашел силы. Родители ведь у меня чуть с ума не сошли, в самом прямом смысле. Сын – наркоман! Разве для этого меня рожали?

Дочку не видел, не знаю. Жена уже не то что не разговаривает, а только одно твердит: посмотри на себя, что же ты за человек? Ты же – не-человек!

Но я докажу ей, что я – могу. А то ведь раньше, когда появились деньги, я перед ней был королем, а теперь что? Она как-то мне сказала: а если я сяду на иглу? И только тогда я подумал: а ведь действительно могла. Дома и шприцы стоят, и раствор готовый. Но ведь она не прикоснулась, не потянуло даже. Что она, другой человек? И тогда как я выгляжу, какой же я тогда человек?

В конце концов путь один. В конце концов проширяю все деньги, проширяю свою фирму, свой магазин и пойду кого-нибудь убивать, грабить, воровать, доставать *кайф*. Это реальный логический путь любого наркомана. Конечно, долларовый миллионер может позволить себе не думать и кайфовать, пока не сдохнет от передозы или отказа организма. Я говорю о таких, как я, мелких бизнесменах. Я же видел, как другие, немногим беднее меня, профукали все деньги, ломанули магазинчик, который стоял на отшибе, и получили срок. Один путь. Любого. Любого! Нет другого пути. Просто его нет. Вот в чем дело. Зачем мне это надо? Что я, хуже других? Нет, жизнь показала, что не хуже, а во многом сильнее, оборотистее. Не каждый ведь сделал такую фирму, как у меня. Так в чем тогда дело? Жизнь наступила жестокая. У меня – жестокая вдвойне. Значит, надо бороться. А если не в состоянии бороться, то надо сделать себе *передозняк*, пустить по вене максимум – и *откинуться*. Чтоб не мучить себя и других. И только об одном думаю: на кого дочку оставляю?

Письмо супермена Виталия Орского

Мне на адрес «Литературной газеты» написал Виталий Орский, шофер из города Оренбурга. Письмо его «Литгазета» опубликовала.

«Вы действительно думаете, что наркомания неизлечима? Бред все это. Просто нужно мальчишек воспитывать мужчинами, а не деточками, вихляющими задом под попсовую музыку, избегающими армию и работу. Не от наркотиков московская и вообще городская молодежь не может излечиться, а от бездельной, инфантильной, привычной к «клубничке» жизни.

Я вырос в узбекском городе Андижане, в старом околоточном районе. Там взрослые парни были через одного судимые, а те, кто еще не был в зоне, активно к ней готовились. Сначала пробовали травку, затем таблетки, димедрол, этаминал натрия, седуксен, в общем, балдели... Я точно знаю, что от наркозависимости избавиться можно. Тем более молодежи, и близко не подошедшей к моему прошлому опыту.

Я шофером на карьере работал. Утром в зубы папироску с «азиаткой» (*анашой* – С.Б.). Вгоню в вену дозу (грамм!), в обед вторая доза, вечером третья... Однажды решился. Купил три ящика минералки, закрылся в глинобитной лачуге на окраине Андижана. При этом у меня еще оставалось пятьдесят граммов опиума, твердый комок, три килограмма соломки в подвале было спрятано, за травку и не говорю. В общем, завязал.

Это, конечно, было жутко, даже сейчас страшно вспомнить. На третий день начались ломки, боли невыносимые, меня выворачивало как бельевую веревку, затем начался трясун во всем теле, высыпала сыпь, все тело расчесал, затем стал плохо видеть, фактически слепнуть, стали кровоточить и крошиться зубы, выпадать волосы, непрекращающийся понос. Приходили друзья, говорили: «Уколись, иначе помрешь» – но я уже включил «бычью тягу» и не стал этого делать.

Достал опиум и шприц, положил посреди стола, чтобы перед глазами было, и вырубился, температура под сорок прыгнула. Потом кто-то приходил из знакомых, я в бреду был, не помню, кто, и забрал его со стола. Есть не мог, только пил минералку, соседи иногда сок и кислое молоко приносили.

Через два месяца оклемался, началась депрессия, и так почти было полгода. Одним словом, с тех пор ничего и ни под каким предлогом, даже водку. Повторю: бред все это, просто нужно мальчишек воспитывать мужчинами.

К чему я все это написал? Да к тому, что зачем нужен врач-нарколог, который говорит, что наркоман неизлечим?»

Ответ супермену Виталию Орскому

Здравствуйтесь, Виталий Орский!

Сразу скажу: я называю вас суперменом без всякой иронии, подковырки, а только лишь с искренним изумлением и уважением. Я еще не встречал человека, который провел бы над собой такой эксперимент и выдержал его.

Пишет Вам Сергей Баймухаметов, автор книги, из которой Вам на глаза попался отрывок в «Литературной газете». Почему-то Вы решили, что я врач. Я не медик, хотя по моей книге и читаются лекции аспирантам и ординаторам. Отвечаю Вам через «Литературную газету», в которой было опубликовано и Ваше письмо.

Тот, за кем последнее слово, всегда пользуется преимуществом, поэтому заранее прошу прощения.

«Нужно мальчишек воспитывать мужчинами, а не деточками, вихляющими задом под попсовую музыку, избегающими армию и работу. Не от наркотиков московская и вообще городская молодежь не может излечиться, а от бездельной, инфантильной привычки к „клубничке“ жизни».

Так Вы определили сегодняшнюю молодежь. И описали свою суровую молодость давних лет.

Простите, а чем ваши тогдашние нравы отличались от нынешних? Просто у вас там были бараки, рабочая слободка, зона, а здесь – дискотеки, бары, джин с тоником. На вас были кирзачи и робы, а на них лайкра и джинса. Они поют какого-нибудь Меркьюри, а вы тянули под гитару «Караван Шапер-Али-и-и! Шагает в свой край родной...» Караван с опиумом, разумеется.

Так что разница лишь в деталях. Вы родились там и тогда, а они здесь и сейчас. А суть – одна. Наркота.

«Зачем нужен врач-нарколог, который говорит, что наркоман неизлечим?»

Врач такого не говорил и не имеет права говорить. Возможно, нечто подобное написал я, а Вы меня приняли за медика, к тому же, наверно, не совсем верно поняли. Речь в статье шла о том, что мировая медицина не знает, не нашла еще центра наркозависимости в человеческом организме. Центра, на который можно было бы потом воздействовать. Как, например, при лечении алкоголизма. Алкоголизм излечивается. Наркозависимость – до сих пор некая тайна для мировой медицины. Со снятием физиологической зависимости не уходит зависимость психологическая... Поэтому медики и говорят: мы лечим, но *не вылечиваем* наркоманов в абсолютном медицинском смысле.

Но даже если наркоман и неизлечим, то какие у общества варианты? В принципе, каждого пацана, курнувшего анаши, после экспертизы отправлять в газовую камеру как недочеловека?

Но человечество вместо этого тратит миллиарды долларов, силы и ум миллионов людей, чтобы попытаться вернуть этих заблудших к нормальной жизни.

Почему? Да просто, потому что мы – люди. Человечество. По-русски – человечность, а по латыни – гуманизм.

На том стоим.

И, наконец, последнее.

Вы, Виталий, – супермен. Повторю: говорю без всякой иронии и с искренним изумлением и уважением. Я еще не встречал человека, который провел бы над собой такой эксперимент и выдержал его.

Наверно, поэтому Вы и считаете, что любой мальчишка способен выдержать то, что выдержали Вы. Нет, Виталий, таких, как Вы – единицы на миллионы. И не надо требовать суперменства от простых слабых людей.

И правда, иногда в меня закрадывается ужас от Ваших рассуждений о том, как надо бороться с наркоманией. А если Вам дать самую большую власть, Вы начнете внедрять повсюду свой мужской метод?

Не надо, Виталий. Забудьте. Вы хороший шофер и уверенный в себе мужчина, жена филолог, выписывает «Литературную газету» и детей воспитывает в гуманитарном духе. Вы заслужили этот теплый и ласковый мир. Что еще надо, когда есть дети?

Чуйская долина

Александр Зеличенко, полковник, куратор программы ООН «Ошский узел», Кыргызстан

История давняя. Напомню о ней, чтобы вернуть некоторых людей к реальной картине советских лет. А то думают, что наркомания и наркомафия начались только сейчас, а в Советском Союзе, мол, ничего такого не было. Конечно, тогда было жестче, крепче власть. Но, тем не менее, тогда все и начиналось.

В прессе это не нашло отражения, но наша республика весной 1992 года буквально потрясла и заставила трепетать ведущие державы мира. Переполох в международном сообществе был.

Суть в том, что в Кыргызстане в начале 90-х решили возобновить посевы опийного мака. До 1974 года мы возделывали в районах Прииссыккуля от двух до семи тысяч гектаров плантаций, обеспечивали сырьем всю фармацевтическую промышленность Советского Союза. Работали самым примитивным способом, практически без охраны, воровали все, кому не лень. Киргизия была главным поставщиком нелегального опия и уже тогда приобретала все черты криминального края.

И все это время руководители Киргизии умоляли Москву прекратить посевы опийного мака в республике. А им отвечали: в стране нет валюты для закупки морфия за границей!

Но в 1974 году посевы опийного мака в Киргизии все-таки закрыли.

И вот спустя семнадцать лет решено было их возобновить. Понятно, СССР распался, природные богатства республики скудные, источников валюты практически нет. А опий – ценнейшее сырье, на международном рынке за него можно получать миллионы долларов.

Но международное сообщество, Международная организация по борьбе с наркобизнесом, в которую входят двадцать четыре ведущие державы мира, заявили решительный протест. По их мнению, это стало бы трагедией для всей Европы. При полном распаде межгосударственных связей, при поднявшейся волне организованной преступности, при очевидной слабости правоохранительных органов поток наркотиков хлынет туда, на Запад, и мы быстро превратимся во вторую Колумбию.

Наши-то хозяйственники возликовали: «Ура! Вперед! Даешь валюту!» Размахнулись сразу на девять-десять тысяч гектаров!

Но протест международной ассоциации сильно остудил пыл.

Со своей стороны, резко выступило против и Министерство внутренних дел республики. Мы не возражали против посевов мака. Но разъясняли, как это надо делать, чтобы обеспечить гарантии безопасности своим гражданам и международному сообществу.

Основной поставщик опийного мака на международный рынок – Австралия. Австралийский резидент Международной службы по борьбе с наркотиками рассказывал мне, как там устроено производство.

Во-первых, плантации мака расположены на острове, что само по себе уже немалая изоляция. На Тасмании.

Во-вторых, там ведь супертехнология, ультразвук, на плантациях практически нет людей.

В-третьих, собственно производство закрытое. Рабочий входит на фабрику и выходит оттуда только через три месяца. Система охраны на всех этапах – как на золотодобывающих фабриках, как для транспортов с золотом. Унести, украсть ни практически, ни теоретически невозможно.

Мы предлагали нашим хозяйственникам: если уж выращивать мак, то давайте организуем производство по австралийскому типу. А они, как водится, сказали: на такое производство сейчас денег нет, вот когда разбогатеем, тогда... Словом, как обычно у нас.

Но самая большая опасность подстерегала нас со стороны наркомафии. Только вышел указ о производстве мака, как многие брошенные и неброшенные дома в районах Иссык-Куля скупил самые разные люди, прилетевшими сюда со всех концов, от Кавказа до Магадана. На самые последние развалюхи цены взлетели в пятьдесят раз, а уж приличные дома приобретались за целые состояния. Ничего не жалели, лишь бы обосноваться здесь официально, получить прописку, легализоваться. Вот какой капитал сюда направили! Вот как работают! Наркомафия СССР *в несколько дней* приготовилась к новому повороту в экономике Кыргызстана.

Поэтому мы предупредили: республика только-только открыла двери в международное сообщество, стали налаживаться контакты, уже капиталы западных и восточных стран инвестируются в нашу экономику – и всему этому сразу же придет конец, как только мы начнем сеять мак. Безалаберно, как и раньше, фактически помогая наркомафии. От нас же все отвернутся, цивилизованные страны прекратят с нами все отношения, кроме вынужденно официальных. Во всем мире на производство наркотиков смотрят совершенно однозначно.

Кстати, именно тогда в Кыргызстан приезжал государственный секретарь США. Предполагаю, что он-то и сказал самые резкие слова.

Взвесив все обстоятельства, президент республики отменил прежние решения о выращивании опийного мака.

Беспредел

Евгений Зенченко, врач-нарколог

Беспредел – норма нашей жизни, наш быт. Мы своими руками творим беспредел ежедневно и ежечасно.

Наркоманский беспредел 90-х во многом был порожден так называемой антиалкогольной кампанией 1985 года – этим партийно-административным беспределом ханжества, скудоумия и дуболомности. Творцы тех указов почивают на персональных пенсиях или отбыли в мир иной, а страна бьется в наркоманских корчах.

Этим «железным» коммунистам и неведома была, и ненавистна сама мысль, что человек – не винтик и не механический исполнитель их «предначертаний», что человек слаб и подвержен соблазнам, что соблазны и слабости входят в систему жизни человека как *составная часть*. Что стремление иногда изменить свое состояние – естественное, природное свойство. Что бутылка дешевого портвейна на трех подростков – это была некая отдушина, выход, удовлетворение возрастных потребностей, *естественное* стремление подростков к поискам полузапретных приключений. Все прошли через это – и слесаря, и президенты. Но как-то странно и непонятно забыли. А в голове осталось только одно: «Запретить! Уничтожить!»

Запретили. Уничтожили.

И получили то, что получили. Средний возраст зарегистрированных наркоманов – 13—14 лет.

Удар нанесен по здоровью нации, по генофонду, по будущему нации.

Я врач, по должности своей обязан быть гуманистом. Только вначале хорошо бы определить, в чем тут суть. Если в том, чтобы все развалить и равнодушно смотреть на гибель поколения, то я не гуманист и не демократ. Давайте вспомним, как власти демократической Литвы в свое время приняли драконовский закон о борьбе с наркоманией. Прямо заявили: пусть нас осудят, пусть обвинят, что нарушаем права человека, но мы не дадим обществу погибнуть от наркомании.

А у нас правительство и парламент заняты чем угодно, но только не этой надвигающейся опасностью. Истинные масштабы подростковой наркомании не известны никому, кроме самих подростков, которые точно могут сказать, сколько мальчишек и девчонок во дворе и сколько из них курят анашу или колются синтетическими наркотиками. Мы немало средств затратили, сил и энергии, чтобы создать эту больницу; американскую методику лечения наркомании освоили и успешно применяем, а койки пустуют. Улицы и дворы захлестнуты подростковой наркоманией, а у нас койки пустуют.

У нас до сих пор нет четкой правовой базы для лечения подростков. Милиция говорит: мы бессильны, надо соблюдать принцип добровольности. Со взрослыми наркоманами – понятно. Это их личное дело, их беда или вина. Но почему принцип добровольности распространяется и на подростков? Почему общество, заботясь о своем будущем, не имеет права на принудительное лечение несовершеннолетних?! Получается, мы ждем, когда они станут законченными наркоманами, совершат уголовные преступления, – и только тогда повернемся к ним всей мощью государства?

Подростки – неустойчивы во всех отношениях. Психически, физически, морально. У них еще нет четкой ориентации ни в чем. Организм и психика подростка разрушаются под воздействием наркотика моментально. И уже возможны любые патологии, любой физический и нравственный беспредел. По многим пациентам знаю: для них границ дозволенного и недозволенного, приличного и неприличного, стыдного и бесстыдного – нет. Они на глазах у всех способны сотворить такое, от чего любой человек содрогнется. И не потому, что они плохие – тут это слово неуместно, ибо неточно, – а потому, что все разрушено, личности нет, человека

нет. Повторю: подростки – люди, не сложившиеся ни физически, ни нравственно. Во всех смыслах. Вплоть до того, о чем мы говорить и стесняемся, и боимся: у них еще нет, например, четкой сексуальной ориентации. И потому там, в притонах наркоманов, возможно все.

Наркоманы в 11 лет

Врач Евгений Зенченко предупреждал: «Средний возраст зарегистрированных наркоманов – 13—14 лет».

Было это еще в 90-е годы.

В 2011 году Дмитрий Медведев, тогда президент России, на заседании Госсовета обнародовал такие цифры:

«70 процентов наркоманов – молодежь до 30 лет. И, что особенно тяжело, буквально в последние пять лет нижняя планка возраста, с которого начинают пробовать наркотики, опустилась до катастрофического уровня: 11—12 лет! Это совсем дети».

Сон пятый

Ира Шулимова, 17 лет, Москва

Самое страшное в наркомании – психологическая сторона. Внутри у человека творится что-то ужасное. Как это передать... Я в дневниках писала: это чувство, будто человек попал в могилу. Вот он очнулся, видит, что он живой, у него есть еще силы, а нет никакой возможности выбраться. Ты живой, но ты уже труп – примерно так. Когда крыша едет, тебе кажется, что за тобой, пятнадцатилетней девчонкой, ФСБ следит, крысы выпрыгивают из-под ног, пауки висят гроздьями – все это в тебе, внутри, но в то же время как бы и внешне. Внутри-то ты все понимаешь... Ну как объяснить... Вот сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие, они считают себя нормальными людьми. А наркоман – все понимает. Я, по крайней мере, понимала. Когда крыша едет – ты на себя как бы со стороны смотришь и видишь. Но остановиться не можешь. Представьте, что вы, такой приличный, солидный человек, начинаете на площади раздеваться догола, выкрикиваете какие-то глупости, кроете всех матом, хватаете проходящих женщин и пытаетесь их насиловать... Вы понимаете, что делаете что-то страшное, несовместимое со своими понятиями, несовместимое и невозможное с вами, вы этого не хотите, но вы это делаете.

Вот что такое психоз, вот что такое состояние наркомана. Вся психика, мозг, душа, весь человек раздирается на части, идет на разрыв. Можно ли это выдержать?

Все наркоманы, кого я знаю, хотят бросить, остановиться. И – не могут. Можно снять ломки, но отвлечь от кайфа – не знаю... Человек попадает в страшную, не понятную никому психологическую зависимость. Это непонятная, темная власть. Можно бы сказать – черная, но черная – как-то знакомо. А темная – совсем другое. Это как дым, или туман, он внутри клубится, в животе, и в глазах, в мозгу, и в то же время его вроде не видно. Я не могу точно объяснить, просто знаю – темная власть.

Тут начинается перетягивание каната: что окажется сильнее, зависимость от наркотика или желание бросить, избавиться. Если желание свободы, стремление избавиться от рабской зависимости пересилит, тогда человек может подняться. Главное – не обманывать себя, четко сказать себе, что зависимость от кайфа – это прежде всего зависимость от людей, которые могут тебе дать денег, а могут не дать, могут дать тебе дозу, а могут не дать, потребуют от тебя за эту дозу выполнения любых своих прихотей, то есть могут сделать с тобой все, что им захочется. Когда это говоришь себе без обмана, то появляется крепость, у меня лично – протест, бешенство, ну характер у меня бешеный, но он меня и спас, а то бы я здесь не сидела с вами, а валялась бы под забором со всеми, кому не лень.

Все только и говорят: дворовые компании – это плохо. Наверно. Но у меня как было: отец развелся с мамой, потом мама заболела раком крови, умирала на моих глазах – страшная болезнь. После ее смерти попала к маминым родственникам, а там у них один разговор: деньги, деньги, деньги... Ну скажите, какой интерес одиннадцатилетней девчонке в разговоре о деньгах? На улице же, во дворе, тебя понимают, с тобой разговаривают о том, что тебе интересно. Другое дело, что там научат еще и тому, что... В общем, в двенадцать лет я начала курить, в тринадцать лет курила анашу, а на иглу села, когда не было пятнадцати лет.

Уже за анашу надо платить немалые деньги. Где их взять тринадцатилетней девчонке? Тут появляется подруга, а у нее есть еще подруга, которая постарше, а у той – крутые друзья, блатные чуваки, и так далее. Стали мы с подружкой подсадными утками. Например, подходим на рынке к приезжим торговцам, заигрываем: на молоденьких, развязных они сразу клюют. Везем их на квартиру, они вино-водку закупают, продукты, мы стол накрываем, выпиваем, музыку включаем, на колени садимся, в общем – готовы к употреблению... Но тут входят

в квартиру наши ребята: «Так-так, значит, совращением малолетних занимаетесь?.. Что делать будем, уважаемые? Полицию вызывать?..»

Обычная разводка на бабки.

Или клофелина в вино подмешаешь, еще какой-нибудь дури, в общем, «обували клиентов» и немалые деньги имели. Конечно, ты не одна, за тобой – уголовная банда. Вначале я работала в компании с дагестанцами, потом – с чеченской бандой, а в последнее время с нашими, русскими, с ними легче, потому что они как бы более свои.

В общем, попали мы с подружкой в чисто уголовную среду: воры, проститутки, бандерши. Когда ищешь, то находишь. Самым младшим двадцать пять-тридцать лет, старшим – сорок-пятьдесят.

Зачем я им нужна? Во-первых, подсадная утка, на мне, между прочим, деньги зарабатывались. Во-вторых, хотели сделать *девочку на приход*. Ну, *приход* – это наступление кайфа, когда кайф приходит. И в этот момент для полного кайфа им нужны девочки или одна девочка на всех. Чаще всего – одна-две на всю группу. В основном – *винтовые* девочки, то есть девочки, которых колют первинтином. Это дешевый самодельный наркотик, от которого человек сразу дуреет и с ним можно делать все, что угодно. Как правило, на *винт* сажают малолетних и делают их *девочками на приход*. Мне же просто повезло. После первого укола у меня поехала крыша, начало твориться что-то страшное. Наверно, *винт* наложил на мой психованный характер. Короче говоря, меня не стали трогать, побоялись. А потом появился человек, который взял меня в постоянные сожительницы, авторитетный такой, настоящий вор – и меня больше не трогали. Хотя были случаи...

Винтовых девочек можно сразу в *хоровод* пускать: это когда одна на пятерых. Но не надо прикидываться козочкой: если ты попала туда – значит, готова на все, не из детского сада пришла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.